

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

*Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
Факультет философии и психологии, кафедра культурологии
Профессор, доктор философских наук**Voronezh State University, Russia
Faculty of Philosophy and Psychology
Professor of the Department of Cultural Studies, Doctor of Science (in Philosophy)
vladimir_varava@list.ru***ФИЛОСОФСКОЕ НЕДОУМЕНИЕ И ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ УВЕРЕННОСТЬ**

В статье критически анализируются различные формы танатологии, представленные в биологическом, психологическом и постмодернистском контекстах. Интенсивное распространение «танатологического дискурса» возникает из-за недостаточного понимания смерти как феномена, находящегося за границей человеческого познания. В этой связи рассматривается работа М. С. Уварова ««Смерть смерти»: постмодернистический проект», в которой танатология именуется особым родом «веселой науки» из-за того, что постмодернистский дискурс смерти оказывается равнодушным к реальной смерти. Это означает, что смерть перестает быть тайной и трагедией, превращаясь в обыденный факт культуры. Обосновывается идея об абсолютной непостижимости и немыслимости смерти, которая становится понятной в результате философской рефлексии. Философия по своей сущности изначально озабочена смертью и представляет собой наиболее приемлемый способ восприятия смерти, в свете которого раскрывается человеческая ситуация. Появление танатологии как «науки о смерти» свидетельствует о забвении философии с ее исконными вопрошаниями, что является характерной чертой современной культуры.

Ключевые слова: смерть, танатология, наука, психология, постмодернистский дискурс смерти, философия, метафизика, тайна смерти, трагедия, современная культура.

THE PHILOSOPHICAL BEWILDERMENT AND THANATOLOGICAL ASSURANCE

This article critically examines the various forms of thanatology presented in the biological, psychological and postmodern contexts. Intensive spread of «thanatological discourse» arises from the lack of understanding of death as a phenomenon that is beyond the boundaries of human knowledge. In this connection the work by M. S. Uvarov «"Death of Death": postmodernist project» is analyzed in which thanatology is called gay science», because of the fact that the post-modern discourse of death is indifferent to real death. This means that death is no longer a mystery and tragedy, becoming a fact of everyday culture. It substantiates the idea of the absolute incomprehensibility of death. It becomes clear as a result of philosophical reflection. Philosophy by its nature was initially concerned about the death. It is the most appropriate way to think about death that reveals the human situation. The appearance of thanatology as a «science of death» indicates the oblivion of philosophy with its original questioning, which is a characteristic feature of modern culture.

Key words: death, thanatology, science, psychology, postmodern discourse of death, philosophy, metaphysics, mystery of death, tragedy, modern culture.

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

*В определенном смысле смерть
есть неизбежная пошлость, но в другом –
глубоком – смысле она недоступна.*

Ж. Батай

Смерть относится к тому удивительному разряду феноменов бытия (или небытия), о которых ровным счетом ничего нельзя сказать, кроме того, что они каким-то странным образом есть. Никакое постижение, изучение, исследование, рефлексия, медитация, молитва, даже «закладывание в бездну» ни на йоту не приблизят нас к пониманию сущности смерти. Увы, мы можем лишь в недоумении пожать плечами, или развести руками, если сознание каким-то образом сталкивается со смертью. Бытие смерти на бесконечность отдалено от ее единственного проявления, которое всегда настолько очевидно и достоверно, что диву даешься, как все это могло так неожиданно произойти. Вопиющая банальность смерти граничит не только с неисцелимым трагизмом существования, но и с абсолютной ее непостижимостью.

Но повседневная жизнь, озабоченная рутинными заботами, как правило, равнодушна ко всем высшим и проклятым вопросам, ко всем ужасам жизни, более всего связанными со смертью. Коллективный разум давно уже понял всю бесперспективность и непрагматичность вникания в смерть и защитил хрупкую и ранимую психику человека надежным щитом беспечности. И как бы смерть нещадно и жестоко не проявляла себя, род человеческий продолжает существовать. Очень точно, хотя и не без определенной жесткости писал об этом С. А. Андреевский в своей «Книге о смерти»: «Нет в жизни ничего поразительнее смерти. Она отрицает все, перед чем мы преклоняемся: гений, красоту, власть. Она делает наше отдельное существование таким бессмысленным, что, собственно говоря, каждому следовало бы сойти с ума от сознания, что он умрет. Но от этого никто с ума не сходит. <...> Но сколько бы там ни разглаголь-

ствовали ораторы, теснящиеся возле дыры с опущенным в нее гробом, об энергии человечества – все-таки всего менее энергии к «делу» может внушить именно этот последний мертвец. Всякий знает, что в агонии, когда мутился его ум, он был совершенно чужд тому делу, которое любил при жизни, и всякий уходит от этой зарытой куклы с сознанием какой-то неразрешимой нелепости. Недоумение это, впрочем, скоро проходит... до нового подобного же случая, когда совершенно заново – сколько бы похорон ни повторилось – возникает и опять так же быстро проходит то же самое недоумение. И так все живут от сотворения мира»¹.

Да, человек совершенно беспечен, безумно беспечен как какой-то бессмертный бог. Все меняется лишь на короткое время, буквально на миг, когда в очередной раз смерть вдруг совершает свое вероломное вторжение и на горизонте жизни уныло и страшно нависает непонятное темное пятно. «Судьба мне громко произнесла «смерть», – написал М. Кузьмин в дневнике незадолго до своего ухода, – и понятие это из почти несуществующего далека поставила нос к носу»².

Оставим в стороне беспечность большинства, и обратимся к тем, для кого смерть все же проблема, причем жизненно важная, то есть «смертельная» проблема. Вот это кузьминское «несуществующее далеко» – очень верное именование того, чему неуклюжий язык придумал такое колкое и неприветливое слово «смерть». И человек оказался окольцован и околдован и этим понятием, и самим явлением и, несмотря на фатальную неудачу в деле прояснения смерти, он не сдает своих позиций и продолжает упорно исследовать то, чего нет. Нет для его человеческого понимания, привыкшего к осязаемому и воспринимаемому, и поэтому распространяющего свою катафатическую уверенность на непостижимое.

И ведь время от времени действительно возникает иллюзия, иллюзия знания смерти, исхо-

¹ Андреевский С.А. Книга о смерти. М., 2005. С. 7.

² Кузьмин М. Дневник 1934 года. СПб., 2011. С. 29.

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

дьящая то от научного всезнайства, то от религиозного начетничества, а то и просто от человеческой недалёковидности. Порой кажется, что смерть всего лишь изъян или ошибка в природном устройстве, которую можно устранить человеческими усилиями. Ну, если и не устранить, то сделать эпицентром своих научных штудий, духовных практик и творческих проектов, задним числом полагая, что это как-то продвинет к новым жизненным высотам. В современной культуре эта иллюзия оказалась настолько заразной, что она буквально захлестнула все ее разумное пространство. М. С. Уваров пишет: «Идея смерти и умирания человека обрамляют все размышления о современной культуре. Возникают удивительные парадоксы века, в котором соседствуют гуманизм и людоедство, христианство и мракобесие, демократия и коммунизм. И это не простое соседство: сочетание несочетаемого становится фактом, а стирание границ происходит как никогда раньше в истории незаметно и неизбежно»³.

Вот в этой какофонии и распространяется танатология, которая питается и во многом паразитирует на этих «удивительных парадоксах века». То, что некогда вызывало священный ужас и благоговейный трепет, вдруг потеряло всякий ореол таинственности, превратившись в предмет для разного рода исследований. Поэтому не случайно, что впервые танатология заявляет о себе в медико-биологическом облики, за которым кроется научная претензия на познание смерти как естественного феномена природы.

И. И. Мечников в своих «Этюдах оптимизма» называет главу «О естественной смерти» «главой танатологии», или учения о смерти, которая, по его словам, только начитает развиваться. Очевидно, что с общим стремительным развитием естественнонаучного знания смерть, которая мыслится исключительно в рамках и категориях этого

типа знания, попадает в поле зрения науки. Мечникову как классическому представителю такого знания обидно и досадно, что оно до сих пор ничего не смогло сказать значимого о смерти с научной стороны. Он пишет: «Читатель этих строк будет, по всей вероятности, очень изумлен недостаточностью научных данных по вопросу о смерти.

В то время, как задача эта занимает преобладающее место в религиях, философиях, литературах и народных преданиях, в науке ей отведено лишь незначительное внимание.

Этим печальным обстоятельством можно если не оправдать, то, по крайней мере, отчасти объяснить нападки на науку за то, что она занимается частными вопросами и пренебрегает великими задачами человеческого бытия, как, например, вопросом смерти.

Граф Толстой, преследуемый желанием разрешить эту задачу, обратился к научным сочинениям, но нашел в них одни неопределенные или незначачие ответы. И велико же было его возмущение против ученых, которые изучают разные бесполезные, по его мнению, вопросы (как, например, мир насекомых, строение тканей и клеток) и не в состоянии выяснить ни судеб человеческих, ни того, что такое смерть!»⁴.

Мечников, вдохновленный возмущением Толстого, несмотря на свое скромное заявление о том, что он хочет «только дать общий очерк современного положения вопроса о естественной смерти» и никоим образом не имеет претензии разрешить «эти сложные задачи», пытается именно разрешить недоступный вопрос о смерти средствами научного знания. С этого времени наука уверенно говорит свое твердое слово знания о смерти. Этим знанием наводнены бесконечные тексты материалистического толка, которые повторяют тезисы о естественности биологического конца и о том, что «там» ничего нет. Эта литература скучна, однообразна и к тому же бездоказательна, поскольку верифицировать опыт смерти (и, соответственно,

³ Уваров М.С. «Смерть смерти»: постмодернистический проект // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб., 1997. С. 21.

⁴ Мечников И.И. Этюды оптимизма. М., 1988. С. 90.

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

наличие или отсутствие «околосмертных» и тем более «постсмертных» состояний») наука не в состоянии. И ее выводы здесь выглядят не более чем научным мифотворчеством, интересным лишь для людей с мировоззрением, искренне верящим в науку. Человек, всерьез озабоченный проблемой смерти как духовной и нравственной проблемой своего бытия, всегда с усмешкой или презрением отвернется от слов, которые наука говорит о смерти.

Наука в принципе говорить о смерти не может, поскольку ее исконный посыл о биологическом, то есть естественном характере смерти, просто-напросто ошибочен. Именно поэтому вопрос о смерти «занимает преобладающее место в религиях, философиях, литературах и народных преданиях», как говорил Мечников, пытаясь опрометчиво исправить дело с помощью науки, в сущности, не понимая, почему именно в вышеперечисленных областях культуры смерть занимает такое большое место. Человечество до появления научного знания как парадигмального измерения культуры было очевидно мудрее относительно предельных понятий.

О тщетности научного познания смерти хорошо сказал Я. Голосовкер: «Убегая от смерти, не понимая ее, и чем дальше, тем все сосредоточеннее и мучительнее мысля о ней, и тем самым все более не понимая ее – (ибо никакая наука не поняла смерти и не примирила с нею мысль, ибо смерть делает мысль бессмыслицей, знание бессмысленным и нет для мысли со смертью примирения) – ЧЕЛОВЕК, борясь за существование, за свою жизнь, за свою мысль, устремлялся к вечной жизни, к бессмертию. Иначе он не мог – иначе мысль не могла. Он жизнь не выдержал бы без мысли о вечной жизни»⁵. Важными здесь является слова о непонимании смерти наукой и о невозможности с помощью науки примиришь человека со смертью. Эти слова Голосовкера перечеркивают все оптимистические попытки Мечникова именно с помощью

науки обосновать неизбежность смерти и тем самым, примирить с ней человека. Можно сказать, что оптимистическая танатология Мечникова не выдерживает испытания философской мыслью.

Еще одна попытка медико-биологического обоснования танатологии предпринята в 1925 году в работе Г. В. Шора «О смерти человека. Введение в танатологию». Автор не случайно цитирует в начале книги слова И. И. Мечникова о том, что «танатология только начинает развиваться», полагая себя, тем самым, преемником и продолжателем развития танатологии. Однако, его подход отличается меньшей претенциозностью. Вот что он пишет: «Танатология должна понимать свои задачи не узко в смысле трактата о статике смерти, а более широко. Главнейшей задачей танатологии должно быть выяснение всех условий, приведших к смерти организм, как индивидуальное целое. Танатология должна включить учение о динамике умирания, т. е. учение о танатогенезе. Предлагаемая книга является лишь введением в танатологию и потому к ней не могут быть предъявлены требования, как к труду вполне законченному и исчерпавшему современное состояние знаний в этой области. Вопрос настолько большой и еще так мало разработанный, что автору пришлось в учение о смерти вложить лишь то содержание, которое, по его мнению, наиболее важно для клинициста, для патологоанатома и для судебного медика при решении тех вопросов, которые нам ставит постоянно жизнь как у постели больного, так и у секционного стола»⁶.

Примечательными в этих словах являются два момента. Во-первых, то, что танатология – это не «статика смерти», а «динамика умирания» или танатогенез. Значит, речь уже идет не о смерти как таковой, но об умирании, а точнее, о выяснении условий, приведших к смерти. В этом смысле предлагаемой им замены понятий «каузальный генез смерти» на «кондициональный генез смерти», то

⁵ Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб., 2010. С. 22.

⁶ Шор Г.В. О смерти человека. Введение в танатологию. Л., 1925. С. 7.

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

есть, замены исследования причин смерти на выявление условий, при которых смерть произошла.

Во-вторых, В. Г. Шор скромно говорит, что его книга является лишь введением в танатологию. А поскольку этот вопрос «настолько большой и еще так мало разработанный», то автор ограничивает танатологию областью, важной для клинициста, патологоанатома и судебного медика. Примечательно то, что «Этюды оптимизма», в которых И. И. Мечников говорит, что все только начинается и что он не претендует на полноту вышли в 1907 году, а книга В. Г. Шора вышла в 1925 году, и он так же говорит о малой разработанности этого вопроса. То же самое должны сказать и современные ученые, честно признав, что наука нисколько не продвинулась в вопросе о познании причин и сущности смерти.

Посмотрим на определение смерти, данное Шором: «С общебиологической точки зрения смерть является следствием непреодолимых условий, заложенных природой внутри самого организма при существовании человека среди окружающей его обстановки»⁷. Что это за «непреодолимые условия», заложенные природой? Сказать так, значит, ничего не сказать. Это совершенно скрытая и потаенная область, находящаяся за пределами возможностей научного сознания. В равной мере можно было бы сказать, что эти непреодолимые условия заложены не природой, а злым богом, демоном, какими-то непостижимыми метафизическими законами, являются результатом грехопадения и т.д. Иными словами, природа и причина смерти остается непостижимой. И наука нисколько не приоткрывает завесы над тайной смерти.

Понимая невозможность сущностного познания смерти, В. Г. Шор ставит танатологии вполне конкретные прикладные цели: «Танатология в своем стремлении отдалить момент смерти (до ее физиологического предела) и тем удлинить жизнь не должна терять из виду и так называемого «здорового» человека. <...> Точные наблюдения за

⁷ Там же. С. 15.

умирающими и «обреченными» на смерть, а также лабораторные данные по экспериментальной танатологии научают нас сохранять жизнь у живущих»⁸. Таким образом, танатология из науки о смерти превращается во вполне витальную практику продления и сохранения жизни.

Это как раз то, чем крайне озабочена современная медицина и психология, которая концентрируется на танатотерапии, которая, по словам ее адептов «...оказывает мощное воздействие, затрагивая и корректируя практически все психологические проблемы человека, выступая эффективным средством релаксации (тотального расслабления)»⁹. Чтобы заниматься практикой необходимо иметь свод теоретических знаний, которые у танатотерапии несомненно имеются.

Практическая танатотерапия основывается на определенных постулатах, полученных из самых различных, в том числе и явно эзотерических источников. Вот характерное высказывание представителя «психологической танатологии»: «В процессе умирания вегетативная нервная система и тело человека действительно разлагаются и прекращают свое биологическое существование, но какая-то высшая и тонкая структура центральной нервной системы сохраняется и после смерти, выполняя функцию носителя разделяемого «Я»». Далее следует конкретное изложение идеи перевоплощения душ: «Земля <...> кузница, где создаются новые существа высшими из которых являются человеческие души. <...> эти души вновь могут воплощаться в рождающиеся на земле тела и жить новой земной жизнью. Смысл перевоплощения – совершенствование человеческих душ, поэтому Земля является не только местом их изготовления, он и местом их испытания и совершенствования»¹⁰.

Более того, этот автор, на основании своего спиритуалистического учения, которое он называет

⁸ Шор Г. В. Там же, с. 258.

⁹ Баскаков И. Ю. Терапия танатоса // Психология телесности между душой и телом. М., 2007. С. 503.

¹⁰ Налчаджян А. А. Загадка смерти. Очерки психологической танатологии. СПб., 2004. С. 112.

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

«психологической танатологией», приходит к отрицанию значимости философских вопрошаний, неизбежно сопровождающих человека, сталкивающегося со смертью: «Вера в бессмертие души и существование высшего (спиритуального) мира сразу же снимает многие вопросы нашей «земной философии» и во многом освобождает человека от экзистенциальной фрустрации»¹¹.

Что такое «высшая и тонкая структура центральной нервной системы», которая сохраняется после смерти, как не «знание»? То «знание», которое помогает строить самые невероятные и нелепые концепции о смерти. Где источник этого «знания» – это мы оставим на совести тех, кто это «знание» пропагандирует и использует в своих практических целях.

Таким образом, можно говорить о «сумме танатологии», которая на сегодняшний день представляет собой наиболее распространенный научный (или околонучный, псевдонаучный – уже неважно) миф о смерти. Сама танатология эволюционировала от чисто медицинского подхода, связанного с продлением жизни, до психологической практики релаксации, которая необходима человеку, травмированному встречей со смертью. Но можно смело утверждать, что успехи танатологии в этих областях столь незначительны, что мы имеем дело с несостоятельностью самой танатологии. Продолжительность жизни, заболевания, горе и страдания остаются неизменными величинами и показателями бытийного удела человека, до которого у танатологии нет никакого дела. Ее интересы лежат по ту сторону человеческой ситуации.

Несостоятельность танатологии коренится уже в самой семантике этого слова: «логия» то есть «логос» есть показатель того, что охватываемая им область обладает всеми атрибутами, необходимыми для эмпирического анализа. Иными словами, что в ней есть «вещественность» и «предметность». Смерть же не обладает ни одним из атрибутов, которые могли бы быть подвергнуты анали-

тике. Исследовать можно лишь то, что смерть оставляет после себя, то есть мертвое тело человека. Но смерть и ее результат – совершенно различные вещи, сопоставлять которые в рамках научного анализа не представляет никакой возможности.

В этом смысле танатология, которая не ограничивается эмпирической сферой работы с умершим, а претендует на «метафизику», то есть на знание того, что такое смерть, есть лишь свод, увы, слишком человеческих представлений, не имеющих никакой достоверности, а, следовательно, значимости. Историко-культурные исследования различных способов восприятия смерти у разных народов в разные времена также не приближают к постижению внутренней сущности самого феномена, всегда оставляющего лишь свой печальный след. Поэтому удел танатологии лишь трупы да ритуалы.

Скепсис по поводу танатологии, граничащий с ее разоблачением, ярко выражен В. Янкелевичем. Он пишет: «Поскольку невозможно *помыслить смерть*, у нас, по-видимому, остаются лишь два выхода: либо размышлять *над* смертью, вокруг, по поводу смерти; либо думать о другом, не о смерти, а, например, о жизни. ... Интенциональность мысли, такие свойства мыслимой вещи, как присутствие и наличие особенностей, как будто бы оправдывают номинализм, свидетельствуя в то же время против возможности «танатологии». С этой точки зрения, смерть «мыслима» в столь же малой степени, как Бог, время, свобода или таинство музыки»¹².

И поэтому человек всегда остается в стартовой точке своего незнания и, как говорит Янкелевич: «...как бы он ни углублялся в танатологию, как бы далеко ни простиралась его мысль, всегда остается неучтенное измерение; всегда дает о себе знать тайна по ту сторону проблемы: непроницаемое а priori уже опередило мышление»¹³.

¹² Янкелевич В. Смерть. М., 1999. С 43.

¹³ Там же. С. 412.

¹¹ Там же. С. 218-219.

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

Для вдумчивого читателя и этих слов выдающего французского философа, написавшего, по-видимому, самую глубокую и непревзойденную книгу о смерти, вполне достаточно, чтобы понять шарлатанскую или недалёковидную затею танатологии. В том то все и дело, что смерть – это не «вещь среди других вещей», это такое состояние бытия, в котором раскрывается его абсолютная непостижимость, невозможность, невероятность. В этом смысле тайна смерти и тайна бытия оказываются по сути одним: то, с чем человек рано или поздно столкнется, навсегда распрощавшись с навивными представлениями о естественной, нормальной, разумной, счастливой жизни.

Глубокая и обстоятельная критика танатологии дана в работе М. С. Уварова ««Смерть смерти»: постмодернистический проект». Остановимся на некоторых принципиальных моментах этой работы. Автор говорит о «всеприсутствии символа смерти в культуре», которое, в конечном счете приводит к тому, что «смерть из тайны превращается в обыденный факт культуры»¹⁴. Это очень важное наблюдение: смерть, утрачивая таинственность, то есть свою метафизичность, досадным образом «приземляется», становясь объектом рыночного манипулирования и бесконечного изучения в рамках различных танатологических дисциплин, осуществляемого «бессмертными» исследователями.

Во многом такая ситуация есть результат «постмодернистских опытов над смертью», которые приводят, по мысли М. С. Уварова, к «умерщвлению смерти». Смерть не только перестает быть тайной, она вообще умирает, поскольку «на смену поэтизации и романтизации смерти» приходит ««дискуризация» разговора о ней». Дискурс как определяющий стиль постмодернизма вопиюще безразличен к предмету своего письма; автор не просто мертв, он спокоен и равнодушен, его совершенно не волнует то, о чем писать. «Разговор о

смерти кажется сегодня нарочито бесстрастным и безразличным. Впрочем, не это ли проявление принципиальной установки постмодернистского дискурса, когда исповедь превращается в модный «прононс» эстетствующего сообщества»¹⁵.

Таким образом, смерть из личной проблемы, которая всегда имеет трагический окрас, перемещается в безликую плоскость дискурса. «Дискуризация» означает ни что иное, как равнодушие к реальной смерти. «Когда в ситуации «постмодернистского упокоения», – пишет М. С. Уваров, – происходит *подмена воспоминаний*, то есть забывается платоновское *припоминание* трагедии смерти, возникает именно *изъятие, уничтожение* смерти. Возникает новый символический код, смысл которого можно определить как *изъясн смерти* в культуре»¹⁶.

Именно в такой ситуации и возможна танатология, которая по своим родовым признакам является разновидностью постмодернистского дискурса смерти. М. С. Уваров пишет: «Хармсовские старушки, выпадающие из окон, став жуткой реальностью сегодняшнего дня (почти в буквальном смысле) как-то мало интересны современной танатологии. Она вся – в культурологических изысках и спорах, в которых реальная смерть реальных современников уже мало волнует. Может быть, здесь и проявляется расплата за равнодушие, когда видимая, физическая, смерть человека становится менее важной (и реальной), чем культурологические новации на этой почве, когда страдание принимается за реальность виртуальную, вымышленную. И наоборот»¹⁷.

«Культурологические изыски», «культурологические новации» вместо реального страдания и сострадания – такова моральная инверсия, совершаемая танатологией, которую М. С. Уваров называет «веселой наукой»: «Танатология, превращающаяся в особый вид «веселой науки», которую мог

¹⁴ Уваров М.С. «Смерть смерти»: постмодернистический проект // Указ. соч., С. 21

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Там же. С. 26.

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

бы приветствовать сам Ницше, вряд ли имеет будущее. И в, этом несомненно, заключена определенная доля оптимизма»¹⁸.

Мы согласны с М. С. Уваровым, что танатология в описанном виде бесперспективна. Но пока что эта «веселая наука» бодро шагает по жизни, соблазняя неискушенных в философии, своими построениями. Речь идет о рассмотренных нами медико-биологической, психотерапевтической и постмодернистской танатологии. Но есть еще одна разновидность танатологии, которую называют философской. Это очень странный тип танатологии, поскольку философия как таковая, изначально, по своей сути и глубинному предназначению озабочена смертью. Не обращаясь, как к само собой разумеющейся в этом случае традиции, идущей от Платона до Шопенгауэра, приведем лишь слова П. Адо. Он пишет, что знаменитая формула «философствовать – это значит учиться умирать» является «одним из самых адекватных определений, которые когда-либо были даны философии. В перспективе смерти каждое мгновение предстанет, как чудесная и нечаянная удача, и каждый взгляд, устремленный на мир, даст нам такое впечатление, что мы видим его в первый, и может быть, в последний раз. Мы прочувствуем неизмеримую тайну возникновения мира. Признание этой в некотором роде священной характеристики жизни и существования приведет нас к пониманию нашей ответственности перед другими и перед самим собой»¹⁹.

В этом смысле, философская танатология – это не просто противоречие в определении или плеоназм. Ведь если мы, потеряв всякую надежду узнать что-то о смерти у науки, религии и культуры, обращаемся к философии, то здесь мы сталкиваемся с недоумением, часто граничащим с отчаянием, поскольку только от философии мы и узнаем, что *никто* и *никогда* не может *ничего* сообщить

о смерти достоверного, что могло бы нас утешить, внушив какие-то твердые знания и представления. Философия как раз во многом и стоит на страже тайны смерти, охраняя ее стерильно апофатическую чистоту от всяческих вымыслов, фантазмагорий, грез, желаний.

Философский апофатизм на самом деле сообщает нам гораздо больше о смерти, и, следовательно, о человеческой ситуации в целом, нежели все сведения, имеющиеся в распоряжении различных танатологий. В вопросе о смерти нет нужды обращаться к чему бы то ни было, кроме философии. Здесь не требуется никаких танатологических посредников. Но философия существует не для того, чтобы дать человеку твердые знания и правильные жизненные ориентиры. Задача философии, по известным словам Л. Шестова из «Апофеоза беспочвенности» заключается в том, «научить человека жить в неизвестности». Причем, «того человека, который больше всего боится неизвестности и прячется от нее за разными догмами. Короче: задача философии не успокаивать, а смущать человека»²⁰.

Танатология в этом смысле – это самый настоящий догмат; догмат, исходящий от науки, религии, психологии, постмодернистского дискурса и т.д. В танатологии человек ищет более всего успокоения, анестезии, забвения, эвтаназии. Чего угодно, лишь бы не сталкиваться с тем, что всегда приводило В. Розанова в неопишущий ужас. «Поразительно, – пишет он, – что метафизическое существо смерти, такое действительно ужасное, новое – для каждого однако откроется: но в самый последний миг жизни!!! Ужасная «точка <...> со страшными по сложности, по смыслу содержанием!»²¹.

Эти слова русского философа не имеют ничего общего с танатологическим дискурсом смерти, который в действительности есть профанация тайны смерти. Та робкая и смиренная неуверен-

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб., 2005. С. 340.

²⁰ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности // Шестов Л. Сочинения. М., 1995. С. 194.

²¹ Розанов В.В. Смерть ... и что за нею // Смерть. Альманах. СПб., 1910. С. 254.

Владимир Владимирович ВАРАВА / Vladimir VARAVA

| Философское недоумение и танатологическая уверенность / The Philosophical Bewilderment and Thanatological Assurance |

ность, рождаемая философией, гораздо ценнее, нежели горделивая и претенциозная самоуверенность, исходящая от танатологии. Танатология своим появлением свидетельствует о каких-то метафизических изъянах, происшедших в человеке. Такое рвение овладеть смертью, оседлать ее, досконально изучить ее до последней клеточки и выдать свою надуманность за истину и на этом основании еще и заниматься психотренингом может возникнуть лишь в лукавом или явно несведущем уме.

Танатологию можно, поэтому, определить как «метафизическую эвтаназию», устраняющую философию с ее мукой, сомнением, страданием, вопрошанием, исканием, отчаянием. Все это неведомо танатологии, которая вместо философской встревоженности предложила вполне комфортный, беспроблемный, а значит, глубоко нефилософский взгляд на вещи. История появления танатологии

очень схожа с историей появления психологии: обе отрекаются от философии как от ненужного возмутителя спокойствия. Что такое человек – хорошо известно психологии, а что такое смерть – танатологии. Но известно лишь в одном случае – когда упразднена философия.

В такой ситуации критика танатологии может означать только одно: необходимость поворота к философии, ее метафизической чистоте и к трагически ясному взору. Только философия может решиться на невозможное и немислимое, самое тяжелое, но, наверное, и самое обнадеживающее: честный разговор о смерти.

Поэтому хотелось бы закончить статью словами М. С. Уварова, которые он написал в некрологе А. В. Демичеву: «В бесконечном своем жизнелюбии взял на себя непосильный груз разговора о смерти». Эти слова применимы и к самому Михаилу Семеновичу Уварову.

